

Спектакль о Ломоносове

Московский Художественный академический театр имени М. Горького поставил пьесу Всеволода Иванова «Ломоносов» — о жизни и деятельности бессмертного сына русского народа, естествоиспытателя, поэта, философа, инженера, историка, географа, — многогранного гения, человека неистощимой теоретической мысли и неутомимой практической деятельности.

В ограниченных рамках пьесы не вместились богатый событиями жизненный путь Ломоносова от архангельского рыбака до российского академика. Перед зрителем предстает сравнительно узкий круг событий, относящихся к елизаветинской эпохе. Тем не менее драматургу, режиссеру Б. Ливанову, исполняющему одновременно главную роль, и актерскому коллективу удалось поставить впечатляющий патристический спектакль, впервые воссоздающий на сцене облик Ломоносова.

Место первого действия — императорская охота в имении графа Шувалова. Среди бескрайних снежных полей затерялся охотничий пост дежурной фрейлины императрицы княжны Нарышкиной — небольшая изящная терраса, изукрашенная крылатыми купидонами, золочеными извивами раковин и цветочными гирляндами. Позолоченное елизаветинское барокко — это лишь красивая ширма, блестящий фасад, за которым скрывается угнетенная крепостная Россия, свирепствуют самодурство и произвол. В окрестных лесах терпят голод и холод сотни нищих крестьян, согнанных сюда, чтобы травить зверя. За ничтожные провинности многим из них грозит жестокая расправа. Озабоченный участием крестьян, сокрушенный и встревоженный приходит на террасу академик Ломоносов.

Изукрашенный островок среди снежного поля оказывается центром придворных интриг. Наредворец Теплов добивается того, чтобы сделать Нарышкину женой своего воспитанника, придворного повесы графа Разумовского, а самого Разумовского — президентом Российской академии. Его поддерживает в этом группа «русских академиков», импортированных из-за границы,

во главе с советником Шумахером. Они ищут в Теплове опору для борьбы против Ломоносова.

Ломоносов ненавидит и страшен этим ландскнехтам царской аристократии потому, что в лице его они видят неодолимый рост национального русского гения, разбивающего в прах клевету о неспособности русских к научному творчеству.

Добиваясь расположения императрицы, интриганы приписывают ей охотничий успех Нарышкиной. В переменчивом свете фейерверка свершается судьба главных героев пьесы: Ломоносову предлагают извиниться перед судом академиков за несуществующие «оскорбления», потрясенную Нарышкину выдают за нелюбимого графа Разумовского, двадцатилетний придворный повеса назначается гетманом Украины и президентом Академии наук.

В этой сцене, более соответствующей духу новелл XVIII века, чем строгой букве истории, происходит расстановка сил, движущих далее театральное действие. В последующих актах зрители с напряженным вниманием наблюдают борьбу Ломоносова за честь и славу русской науки, против иностранного засилья, за воспитание русских ученых, за материализм, против идеализма и мракобесия.

Успех спектакля во многом решается талантливым исполнением артистом Б. Ливановым роли Ломоносова. Победа артиста заключается в том, что ему удалось передать многогранность натуры Ломоносова и ее глубокую народность. Ломоносов в исполнении Б. Ливанова сочетает в себе духовное величие и внешнюю простоту, свойственные истинному сыну великого народа. При всей своей монументальности образ Ломоносова не статичен. Он подвержен сложным психологическим движениям.

Вот стоит Ломоносов перед «судом» академиков-иностранцев, перед кучкой торгашей и фарисеев, душителей русской культуры. Ломоносов стоит один, сверкая взглядом, широко развернув плечи, — неустрашимый трибун русской славы. И понятно, почему так сиротливо и жалко чувствует

себя иноземная свора: ведь за плечами у Ломоносова вся великая Россия!

А вот совсем другой Ломоносов в кругу своих питомцев-студентов — русских, украинцев, татар — будущих академиков. Питомцы выросли и уже расправляют орлиные крылья, чтобы разлететься по всей российской шире. Но учитель еще и еще раз пристрастно и взыскательно выспрашивает их, проверяя их научное вооружение. Вот принимает он земляков-поморов — веселый хлебосол и жадный до рассказов хозяин, без малейшей тени высокомерия, но и без фальшивого панибратства. Вот беседует он с Нарышкиной — чуть застенчивый и нежный лирик, проницательно и прустно вглядывающийся в глубину сматенной женской души.

Подлинного пафоса достигает Б. Ливанов в драматической сцене с «громовой машиной».

Ломоносов задумал поймать молнию, свести ее с небес на землю, изучить на лабораторном столе. Небывалая гроза надвигается на город. Сгущается мрак. Робеют помощники. Ломоносов поднимает их дух удалой поморской песней. Но в лаборатории разом исчезает удалой размах, Ломоносов преображается: движения его скупы, осторожны, сосредоточены.

Гремят громовые раскаты. За окном нарастает мрачный хор монахов, собирающихся в крестовый поход против Ломоносова. Разбиваются вдребезги стекла, булыжник, пущенный рукой мракобеса, попадает в окно. Потрясенный слуга сообщает, что молнией сражен академик Рихман.

Но ничто не может сломить непреклонную волю ученого. С шестом приближается он к громоотводу. Неприметные изменения происходят в его осанке, и уже не только сухого и строгого экспериментатора видим мы, но и ловкого, сильного помора, идущего на хищного зверя. Все значительней, монументальнее становится образ. Перед нами народный герой, Прометей, похищающий небесный огонь. Трещит и хлещет на конце шеста голубая искра. Ломоносов яростно хохочет: так вот ты

поймана, словлена за хвост, своенравная молния, ты будешь изучена, а значит и побеждена!

Надолго врезается в память облик героя-ученого, богатыря науки, победителя стихий.

В соответствии с исторической правдой Ломоносов изображается в пьесе настоящим патриотом, чуждым всякой национальной ограниченности. Душа его открыта для всех искренних друзей России, независимо от их национальности. Потому так крепка его дружба с благородным и пылким академиком Рихманом (артист Н. Соснин). И великий немецкий ученый Эйлер протягивает Ломоносову дружескую руку в трудный час.

Артистка А. Тарасова с большой сердечной глубиной исполняет роль княжны Нарышкиной, находящейся под обаянием могучего поэтического дара Ломоносова. Особенно удалась ей сцена у механической куклы — «андроида», превращенной драматургом в трагический символ двойного значения: это и судьба науки, становящейся при дворе игрушкой для аристократов, и придворная женская судьба.

Президент Академии наук граф Разумовский обрисован драматургом с некоторым отступлением от исторической правды. Но в рамках авторского замысла артист Ю. Леонидов воплощает его образ с большой реалистичностью. Перед зрителем раскрывается настоящий психологический kaleidoscope, где слагаются в причудливых сочетаниях самодурство и безволие, дерзость и трусость, безудержное самомнение и сознание собственной ограниченности.

Сложный жизненный образ советника Шумахера создает артист А. Чебан. Под личиной благолепия скрывается злобный мракобес, матерый вояка ненавистников русской науки. Запоминается его смех: добродушный в первых раскатах, но затем переходящий в какое-то волчье рычание. Опасаясь открыто декларировать свою ненависть к русским ученым, Шумахер ведет двойную игру. Он порою даже поддерживает Ломоносова и как будто желает ему добра, но на деле роет ему яму.

Столкновения Шумахера с Ломоносовым трактуются драматургом и режиссером, как борьба старого с новым. Шумахер отсту-

пает и пятится под натиском нового, отступает неохотно, злобно огрызаясь.

Беспощадными сатирическими красками изображает артист В. Попов советника Теплова, беспринципного властолюбца, равнодушного ко всему, кроме прелести власти. Теплов стремится согнуть, запугать, подчинить себе каждого встречного человека, превратить его в покорную ступеньку для собственного возвышения.

В образе генерала Иконникова артист В. Готовцев соединил типические черты доблестных русских полководцев: независимость и смелость мышления, суровую простоту и богатый житейский опыт. Особенно хорош он в заключительном действии, где о неподкупную честность и мудрую предусмотрительность генерала Иконникова разбиваются козни врагов Ломоносова и русские ученые торжествуют победу.

В пьесе около ста действующих лиц, что создало немалые трудности в разработке индивидуальных характеристик эпизодических персонажей. До конца эти трудности не преодолены. За немногим исключением примитивно и упрощенно обрисованы иноземные академики — представители лагеря Шумахера, так же, впрочем, как и русские академики и студенты — сторонники Ломоносова. Безличны выглядят даже такие самобытные и яркие натуры, как академики Крашенинников и Тредьяковский. Между тем основатели Художественного театра в разработке эпизодических ролей проявляли обычно неистощимую изобретательность.

И в пьесе, и в спектакле еще есть отступления от научных истин. Путанный рассуждения о флогистоне, неправдоподобно сообщение о некоей экспедиции (?) для обнаружения атмосферы на планете Венере и т. п.

Вызывает сомнение финал спектакля. Уже не слишком ли полной и бесповоротной рисуется здесь победа над иностранным засильем, не слишком ли преждевременно торжество? Ведь еще немало крови испортят заезжие академики и Михайла Ломоносову, и потомкам его, и порядком придется еще побороться патриотам России, чтобы выжечь из души легковесных соотечественников наших позорные пережитки низкопоклонства!

Невозможно умолчать и о композиционных недостатках пьесы. Она фрагментарна. Герои пьесы больше рассуждают, чем действуют, чаще рассказывают о событиях, чем изображают их.

Самое опасное заключается в том, что на некоторых обсуждениях недостатков этот кое-кто пытался возвести в доблесть, изобразить как новаторство в драматургии, как рождение нового жанра «дидактической драмы». Совершенно очевидно, однако, что подмена активного сценического действия словесными рассуждениями обедняет изобразительные средства театра, тянет нас назад, а не вперед.

Положение во многом исправляет выразительный, сочный, народный язык пьесы, отмеченный тем радостным для актера благозвучием, которое не часто присутствует в современных драматических произведениях. Автор широко использует в репликах действующих лиц, не всегда прибегая к прямой цитате, поэзию и публицистику Ломоносова.

К сожалению, в ряде случаев отступление от ломоносовских текстов ничем не обоснованы, а иногда и снижают их политическую остроту.

В произносимом со сцены известнейшем стихе Ломоносова —

Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать —
слово «раченье» произвольно заменяется словом «старанье».

В знаменитом высказывании Ломоносова — «Сами свой разум употребляйте. Мения за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте» — отсечена его наиболее сильная часть: «Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падает и с вашей».

Но таких примеров немного. Громогласно звучит со сцены гордое и грозное, возвышающее и разящее, пламенное ломоносовское слово.

Ломоносов сегодня впервые оживает на сцене театра и протягивает руку современникам, как живой с живыми говоря. Советские зрители горячо принимают спектакль.

Владимир ОРЛОВ.